

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Марии Александровны Вахрушевой на тему «Лингвистические механизмы рационализации эмоциональной речи (на примере педагогического дискурса)», представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Эмоциональный поворот в лингвистике, который произошел на рубеже XX-XXI веков, по мнению Людтке (Lüdtkе, Ulrike M. 2015: ix), – путь «к завершению осмысления целостности языка», к продвижению от «индивидуальных рациональных суждений» к «межсубъектному эмоциональному диалогу». Однако это не означает, что рациональная парадигма должна быть отброшена; напротив, старую и новую парадигмы необходимо объединить, во-первых, для того чтобы лучше понять, что такое язык и как он функционирует, во-вторых, чтобы делать процесс общения, в терминах В.И. Шаховского, экологичным, другими словами – бесконфликтным, эффективным и гармоничным.

Для этого, как демонстрирует автор обсуждаемой работы, необходимо рационализировать эмоциональную речь, то есть соединить эмоциональность и рациональность. Другими словами, человек мыслящий одновременно является и человеком чувствующим, а человек чувствующий должен оставаться человеком мыслящим независимо от того, какие эмоции он испытывает. Добиться этого, конечно, нелегко, особенно для представителей эмоциональных культур, к которым относится и русская культура. Необходимо знание механизмов, стратегий и тактик, позволяющих сдерживать проявление негативных эмоций и снижать степень их воздействия на собеседника или окружающих.

Диссертационное исследование М. А. Вахрушевой как раз и **нацелено** на выделение и описание лингвистических механизмов рационализации эмоциональной речи, что в силу сказанного выше является **актуальной** задачей как в теоретическом, так и практическом аспектах. Весьма актуальным представляется и выбор для исследования педагогического дискурса. Во-первых, как справедливо отмечает автор, преподаватели находятся в зоне «повышенной эмоциональной ответственности» (С. 147), но также и в зоне повышенной эмоциональной нестабильности, в связи с чем знание механизмов рационализации эмоциональной речи имеет для них особое значение. Во-вторых, наблюдаемые в последнее время трансформации ролевых отношений

студена и преподавателя, изменения в их правах и обязанностях сказываются на стиле коммуникации и коммуникативных нормах, во всяком случае узуальных, что требует осмысления, анализа и описания. Все это делает данное исследование чрезвычайно современным, актуальным и востребованным.

Научная новизна диссертации не вызывает сомнений. Она заключается как в самом аспекте исследования эмоционального речевого поведения, в обращении к эмоциональному интеллекту и его описанию с лингвистической точки зрения, так и в полученных результатах. Автору удалось выявить и описать механизмы рационализации эмоциональной речи; определить языковые способы и приёмы рационализации эмоций в педагогическом дискурсе; установить коммуникативные типы рационализации эмоций в речи; а также определить типологию степеней их рационализации. Данные результаты определяют **теоретическую значимость** работы и ее вклад в теорию дискурса, лингвистическую теорию эмоций, лингвопрагматику и теорию коммуникации. Важно отметить, что полученные результаты выходят за рамки педагогического дискурса и могут найти широкое **практическое применение** в других типах дискурса, послужить основой для рекомендаций по формированию эмотивной компетенции, использоваться в методических пособиях по культуре речи, коммуникации, в корпоративных и личных тренингах по развитию эмоционального интеллекта и др.

Работа выполнена на серьезной **теоретико-методологической базе**, свидетельствующей о междисциплинарном характере исследования, с привлечением значительного эмпирического материала. Помимо художественной литературы и кинематографа, привлекались видеофрагменты уроков из открытых интернет-ресурсов.

Задачи, поставленные в диссертации, в полной мере коррелируют с положениями, выносимыми на защиту, и отражают все этапы проведенного исследования. Характер решаемых в исследовании задач, а также выносимых на защиту теоретических положений, позволяет констатировать, что данная диссертационная работа соответствует паспорту специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Содержание диссертации прошло хорошую апробацию в докладах на научных конференциях, отражено в публикациях автора, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Работа М.А. Вахрушевой имеет четкую структуру. Она состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы (218 теоретических источников) и списка источников материала.

В первой главе работы **«Эмоции в речевом поведении личности»** представлена теоретико-методологическая база исследования, дается теоретическое обоснование всех рабочих понятий и терминов, которые в дальнейшем используются в работе.

Глава состоит из пяти параграфов. В первом параграфе анализируются модели эмоционального интеллекта, разработанные как зарубежными, так и российскими учеными, выявлены различия в трактовках и определениях самого термина. На основе изучения рассмотренных концепций выделены общие компоненты эмоционального интеллекта, которые, по мнению автора, определяют речевое поведение личности.

Далее автор останавливается на нормах эмоционального речевого поведения в институциональных дискурсах и их нарушении. Справедливо отмечается, что эмоции играют существенную роль во всех типах дискурса. При этом подчеркивается особая значимость эмоционального интеллекта в педагогическом дискурсе, где, к сожалению, часто наблюдается авторитарный стиль коммуникации и фатическое общение заменяется эмоционально-воздействующим.

В отдельном параграфе рассматриваются признаки рефлексии эмоционального речевого поведения, среди которых – распознавание эмоций, дифференциация свойств эмоций, приводятся различные мнения о соотношении понятий «эмоция» и «когниция». Придерживаясь точки зрения отечественных исследователей, в частности, В.И. Шаховского, и обосновывая ее, автор подчеркивает, что «понятия «эмоция» и «когниция» взаимосвязаны, они отражают и определяют функционирование механизмов друг друга» (С. 48).

Далее рассматривается понятие «регуляция», которое определяется как «набор стратегий, направленных на изменение, ослабление, нейтрализацию, усиление или поддержание той или иной эмоции, которая может быть репрезентирована различными способами» (С. 57). Анализируя различные стратегии регуляции эмоций, автор справедливо отмечает, что не во всех лингвокультурах все стратегии регуляции эмоций расцениваются одинаково. Однако отмечу, что некоторые цитаты и утверждения в отношении кросс-культурных различий в проявлении эмоций в педагогическом дискурсе, а

также мировых образовательных тенденций недостаточно критически осмыслены. Так, например, чрезмерно генерализированное и не вполне соответствующее действительности заявление М.А. Падун о том, что «по своей интенсивности экспрессия эмоций не различается у представителей индивидуалистических и коллективистических культур» [Падун, 2019, с. 37], автор дает без критических комментариев. В утверждении о том, что «выбираемые российскими преподавателями средства относятся к авторитарному стилю ведения урока, что не соотносится с мировыми образовательными тенденциями, направленными на улучшение эмоционального комфорта учебной среды» (С. 56), было бы точнее сказать не *мировыми*, а *западными* или *неолиберальными*, поскольку в мире есть культуры, где стиль коммуникации преподавателя характеризуется значительно большей авторитарностью, чем русский.

Особого внимания, на мой взгляд, заслуживают разделы, в которых рассматриваются средства репрезентации эмоций, а также результаты проведённого эксперимента по исследованию обыденного понимания термина «рационализация эмоций». На основе проанализированного теоретического материала, а также результатов данного эксперимента определяется ключевой термин «рационализация речи» как важнейший компонент эмоционального интеллекта (С. 7). Однако позволю себе отметить, что предложенное автором определение представляется несколько многословным и нуждающимся в стилистической правке, в частности - в снятии повторов, которые затрудняют понимание (*функционирование которого заключается ..., цель которого заключается*). Чтобы данное определение вошло в научный обиход и использовалось в дальнейшем, его необходимо отредактировать.

В целом глава выстроена логично, материал представлен последовательно, в реферативной части всегда звучит голос автора в виде аргументированной собственной позиции, что заслуживает одобрения.

Во **второй главе «Лингвистические признаки рационализации эмоциональной речи в педагогическом дискурсе»** продемонстрировано, как функционирует процесс рационализации и какие языковые механизмы в нем задействованы.

В первом параграфе главы выделены типичные эмоциональные ситуации, которые соотнесены с основными этапами урока. Показано, что урок представляет собой набор эмоционально нестабильных ситуаций, выражающих базовые эмоции разной степени модальности. Делается вывод о

том, что негативные эмоции чаще всего относятся к такому виду педагогической деятельности на уроке, как оценочная деятельность (см. Схему 4).

Далее рассматриваются вопросы концептуализации эмоций в педагогическом дискурсе. Здесь я не совсем уверена, что стоило рассматривать эмоции в виде концептов и фокусироваться на лексических средствах их объективации. Поскольку работа посвящена дискурсу, ожидалось, что эмоции, встречаемые в педагогическом дискурсе, будут описаны в дискурсивно-прагматической парадигме. Однако языковой материал, представленный в этом параграфе, очень интересен и в последующем может быть рассмотрен именно в предложенном ракурсе.

Особый интерес для меня представлял раздел, посвященный этикетной рационализации эмоций (С. 96 – 101). Здесь рассматривается вопрос нормы и ее нарушения, приводятся примеры нерационализированных приветствий, прощаний и обращений: *Вы оглохли? Звонок уже прозвенел. Здравствуйте / Рты на замок! Здравствуйте / Жвачная корова, выплюнь жвачку* и др. В работе не сказано, насколько подобные нарушения частотны и не описаны контексты их употребления, но в любом случае представленный материал не может не удивлять тем, до какой степени могут нарушать не только этикетные, но и этические нормы те, кто должен служить образцом поведения, в том числе и речевого. Приведенные факты в очередной раз свидетельствуют об актуальности и важности данного исследования.

Однако здесь хотелось бы порекомендовать диссертанту в будущем не ограничиваться этикетом, а обратиться к категориям вежливости, которая является более широкой, чем этикет, и рассматривается в дискурсивно-прагматическом аспекте, как и невежливость и грубость. Очень созвучна рассматриваемым в диссертации вопросам идея о выделении *эмотивной вежливости*, которая предполагает «умение сдерживать собственные эмоции, вызывать позитивные чувства у собеседника и создавать комфортную эмоциональную обстановку» (Ларина 2019: 41). Далее в работе рассматриваются механизмы, способы и приёмы рационализации эмоций, однако о стратегиях вежливости так ничего и не говорится, хотя в ряде примеров стратегии / тактики негативной и позитивной вежливости (Brown, Levinson 1987) или вежливости дистанцирования и сближения (Ларина 2009) явно прослеживаются. Но это пожелание на будущее.

Помимо реактивных реплик, в диссертации рассматриваются и стимульные речевые действия, что образует соотношение «стимульная и реактивная рациональность». Отмечается, что любой стимул вызывает реакцию, которая также требует рационализированного подхода, поскольку нерационализированная эмоциональная реакция может служить причиной развития конфликтных ситуаций. Таким образом, выделенная разновидность рационализированных эмоциональных действий является значимым результатом анализа.

Хочу подчеркнуть, что в представлении результатов своего исследования автор четко следует поставленным задачам. Логично и последовательно описаны механизмы рационализации эмоциональной речи, среди которых выделяются содержательный, формальный и коммуникативный. Каждому из выделенных механизмов дается четкое определение. Продемонстрировано, что данные механизмы реализуются через различные приёмы, среди которых номинация и гиперноминация эмоций; коррекция и самокоррекция эмоций; нейтрализация, ослабление и усиление свойств эмоций; логическая конкретизация эмоций; образная и нарративная репрезентация эмоций. Подробно описаны языковые средства, используемые при реализации перечисленных приемов, установлены степени рационализации эмоций (Рис.5).

Результаты анализа обобщены и наглядно представлены в виде диаграмм, таблиц и рисунков, а также проиллюстрированы многочисленными примерами, что позволяет получить полное представление о проделанной автором исследовательской работе и ее результатах, а также однозначно сделать вывод о том, что все поставленные диссертантом задачи нашли последовательное и обоснованное решение и цель работы достигнута.

Тем не менее хотелось бы поделиться некоторыми мыслями по данной работе и задать автору несколько вопросов.

1. В диссертации основное внимание уделено рационализации отрицательных эмоций, что, безусловно, оправданно. Однако возникает вопрос, есть ли необходимость в рационализации положительных эмоций и в какой степени, и могут ли эти два процесса происходить одновременно?

2. Хотя автор утверждает, что основывается на теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля (С. 48), в работе не прослеживается четкой связи исследования с данной теорией. Нет, например, ясности в том, какие именно речевые акты автор относит к «*негативно окрашенным*» (С. 71), а какие к речевым актам «*позитивной окрашенности с высокой степенью*

эмоциональности» (С. 76). На с. 95 отмечается, что *«Выделяется целый ряд выражений, ... которые используются многими преподавателями в качестве трансляции порицания»*. И далее: *«Такие речевые акты составляют основу лингвокультурного типажа преподавателя...»*. Хотелось бы попросить автора уточнить, о каких речевых актах, кроме порицания, здесь идет речь. Предположение о том, что понимание речевого акта в работе несколько свободное и не соответствует классической теории речевых актов Остина и Серла, подтверждается и следующим утверждением в автореферате: *«Среди этикетных жанров также выделяются речевые акты поздравлений и принятия поздравлений»* (С. 14). Возникает сразу два вопроса: 1) как соотносятся понятия «речевой жанр» и «речевой акт», 2) на какую все же типологию речевых актов опирается автор, если принятие поздравления, которое не вписывается в типологию Серла, считает речевым актом. Смешение терминов *речевой акт* и *речевой жанр* наблюдается и в тексте диссертации (С. 96 и др.).

3. Хотелось бы услышать уточнение, как иллокутивный акт соотносится с эмоциональным интеллектом. Обоснование, данное на с. 49 (*«Так как иллокутивный акт характеризуется правилами, суждениями, значением, то это соотносится и с нашей теорией эмоционального интеллекта в институциональных дискурсах, в частности с процессом регуляции»*), лично мне не представляется достаточно убедительным. Еще один вопрос: Что Вы понимаете под термином *иллокутивный эффект* и нет ли ошибки в следующем утверждении: *«Эмоциональные интенции нейтрализуются, при этом сохраняется иллокутивный эффект»* (С. 111). Возможно, Вы имели в виду *перлокутивный эффект* или *иллокутивную силу* высказывания?

4. Заслуживает одобрения тот факт, что автор привлекал работы зарубежных исследователей. Однако хотелось бы посоветовать при их использовании в большей степени учитывать социокультурный контекст, в котором они были созданы. Так, на с. 90 читаем: *«По данным зарубежных исследований, рекомендуемое соотношение положительных и отрицательных эмоций, выражаемых педагогом в аудитории, должно составлять 3:1 [Fredrickson, 2008]. Однако приведённые нами примеры говорят об обратной ситуации в современных российских школах, что является критичным для всего образования в целом»*. Несколько вопросов не для ответа, а для последующих размышлений. Насколько это критично и для кого? Соответствие между эмоциями должно быть 3:1 где? Следует ли здесь

учитывать кросс-культурные различия в проявлении эмоций, различия в социокультурной организации общества, в дистанции власти и социальной (горизонтальной) дистанции, в культурных ценностях и даже в целях образования? Данные вопросы не требуют сиюминутного ответа. Их цель – подчеркнуть необходимость критического осмысления используемых работ, а также обозначить перспективы в изучении рационализации эмоций в кросс-культурном и межкультурном аспектах, которые обсуждаемая работа, несомненно, открывает.

5. В целом диссертация написана хорошим научным языком, что свидетельствует о высоком профессиональном уровне диссертанта. Однако, к сожалению, не лишена некоторых погрешностей. Не всегда, на мой взгляд, уместно употребляется прилагательное *лингвистический*. *Лингвистические особенности построения фраз* (С. 28), *лингвистические механизмы* (С. 7, 10, 12 и др.), *лингвистические категории* (С. 55 и др.) в русскоязычной традиции предпочтительно называются языковыми. Встречаются ошибки в согласовании: *основываясь на теорию речевых актов* (С. 48), *выделяется целый ряд выражений, ставшими устойчивыми* (С. 95), *возможность выбора речевых средств ... велико* (С. 82), *вариативность является одной из особенностью* (С. 148), *перспективным направлением изучения рационализации эмоций нам видится в исследовании функционирования* (С. 149) и др.

Хочу подчеркнуть, что данные вопросы и замечания носят уточняющий и дискуссионный характер и не затрагивают концепции диссертации. Они вызваны большим интересом к проведенному исследованию и желанием дать импульс к его продолжению и углублению.

Подводя итог, с большим удовлетворением хочу подчеркнуть, что работа М.А. Вахрушевой является самостоятельным концептуально завершённым исследованием актуальной научной проблемы, выполненным на высоком теоретическом уровне с привлечением современных источников и объемного эмпирического материала. Несомненна научная новизна работы, ее актуальность и значимость.

Автореферат дает всестороннее представление о проделанной работе, содержит в кратком виде всю необходимую информацию, характеризующую полученные в процессе исследования результаты, основные положения и выводы. Опубликованные работы отражают основное содержание диссертации.

Таким образом, диссертация «Лингвистические механизмы рационализации эмоциональной речи (на примере педагогического дискурса)» является научно-квалификационной работой, полностью соответствует паспорту научной специальности и требованиям пп. 9-14 Положения о порядке присуждения учёных степеней, утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 11.09.2021 г.). Её автор, Вахрушева Мария Александровна, заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Доктор филологических наук, профессор
кафедры иностранных языков филологического факультета
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»

Т.В. ЛАРИНА

14.11.2023 г.

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки, не возражаю.

Контактные данные:

Ларина Татьяна Викторовна, доктор филологических наук
(специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое, сопоставительное языкознание), профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.
Телефон служебный: + 7 (495) 434-37-45. E-mail: larina-tv@rudn.ru
<https://phil.rudn.ru>
<https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Подпись Т.В. Лариной удостоверяю.

Ученый секретарь Ученого совета филологического факультета
Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
к. психол. н., доцент

М.А. РУШИНА

Сведения об официальном оппоненте

по диссертации Вахрушевой Марии Александровны «Лингвистические механизмы рационализации эмоциональной речи (на примере педагогического дискурса)» по специальности

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Фамилия, Имя, Отчество	Ларина Татьяна Викторовна
Гражданство	Российская Федерация
Ученая степень (с указанием шифра специальности научных работников, по которой защищена диссертация)	доктор филологических наук (10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание)
Ученое звание	Профессор по кафедре иностранных языков
<i>Место работы</i>	
Почтовый индекс, адрес, телефон, веб-сайт, электронный адрес организации	Миклухо-Маклая, 6, 117198, г. Москва, Россия, тел. (495) 434-37-45, https://phil.rudn.ru
Полное наименование организации в соответствии с уставом	федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Ведомственная принадлежность	Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Наименование подразделения	Кафедра иностранных языков филологического факультета
Должность	профессор
<i>Публикации по специальности и тематике диссертации (7-15 публикаций за последние пять лет, в том числе обязательно указание публикаций за последние три года):</i>	
1. Эслами З.Р., Ларина Т.В., Пашмфоруш Р. Идентичность, вежливость и дискурсивные практики в меняющемся мире / З.Р. Эслами, Т.В. Ларина, Р. Пашмфоруш // Russian Journal of Linguistics, 2023. – Т. 27. – № 1. – С. 7 – 38. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50744041	

2. Запеттини Ф., Понтон Д.М., Ларина Т.В. Эмоционализация современного медиадискурса: исследовательская повестка дня / Ф. Запеттини, Д.М. Понтон, Т.В. Ларина // Russian journal of linguistics, 2021. – Т. 25. – №3. – С. 586 – 610. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46616065>
3. Ларина Т.В., Камех Хош Н. Культурные ценности и понимание вежливости в британской, русской и персидской лингвокультурах / Т.В. Ларина, Н. Камех Хош // Русский язык за рубежом, 2021. – №2 (285). – С. 10 – 18. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45659529>
4. Ларина Т.В. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии / Т.В. Ларина // Вопросы психолингвистики, 2019. – №1 (39). – С. 38 – 57. <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnaya-ekologichnost-i-emotivnaya-vezhlivost-v-angliyskoy-i-russkoy-anonimnoy-retsenzii>
5. Ларина Т.В. Эмоции и вежливость в стиле анонимной научной рецензии / Т.В. Ларина // Актуальные проблемы стилистики, 2019. – №5. – С. 40 – 46. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44707456>
6. Zhou Q., Laiche S., Larina T.V. Emotional effect of teachers' discourse in a multicultural classroom / Q. Zhou, S. Laiche, T.V. Larina // Science journal of Volgograd state university. Linguistics, 2023. – v. 22. – №1. – P. 123 – 137. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50495860>
7. Larina T. and Douglas M.P. I wanted to honour your journal, and you spat in my face: Emotive (im)politeness and face in the English and Russian blind peer review / T. Larina and M.P. Douglas // Journal of Politeness Research, 2022. – № 18(1). – P. 201– 226. <https://doi.org/10.1515/pr-2019-0035>

Официальный оппонент

Т.В. Ларина

Первый проректор - проректор
по научной работе РУДН

А.А. Костин

28.09. 2023